

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам реализации законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного обвинения. Рассмотрены разграничение понятий «потерпевший» и «частный обвинитель», права, обязанности, законные интересы и ответственность потерпевшего как содержание его процессуального статуса при рассмотрении уголовных дел в частном порядке, проблемы, связанные с доступом потерпевших к правосудию по указанной категории дел. Указанные проблемы рассматриваются через призму вопроса о возможности соединения в одном производстве уголовных дел, отнесенных к разным порядкам уголовного преследования: частному и публичному (частно-публичному). Авторами на основе анализа правоприменительной практики и научных точек зрения делается вывод о том, что такое соединение уголовных дел с точки зрения формального подхода не допускается. Однако с учетом интересов потерпевшего предлагается внести изменения и дополнения в УПК РФ, предоставив ему возможность реализовать свой законный интерес на самостоятельный выбор алгоритма уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях частного и публичного (частно-публичного) обвинения в рамках единого производства либо в рамках двух самостоятельных производств.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; доступ к правосудию; частное обвинение; потерпевший; частный обвинитель; процессуальный статус; законные интересы; соединение уголовных дел.

**Marina S. Dunaeva,
Roman V. Maziuk**

THE ISSUES OF FULFILLING THE LAWFUL INTERESTS OF THE VICTIM IN CRIMINAL CASES OF PRIVATE PROSECUTION

The authors discuss topical issues of fulfilling the lawful interests of victims in cases of private prosecution. They analyze the differences between the concepts of “victim” and “private prosecutor”, study the rights, responsibilities, lawful interests and liabilities of victims as contents of their procedural status in criminal cases that are considered privately, and the problems of the victims’ access to justice in this category of cases. Such problems are examined in view of the possibility of uniting proceedings for cases belonging to different areas of criminal prosecution – private and public (pri-

vate-public). Having analyzed the practice of law enforcement and theoretical publications, the authors conclude that such unification of criminal cases, from the formal point of view, is not admissible. However, taking into account the interests of the victim, it is recommended to introduce changes and amendments in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, giving the victim an opportunity to fulfill his/her lawful interests and independently choose an algorithm of criminal prosecution in criminal cases of private and public (private-public) prosecution: either within united criminal proceedings or as two different proceedings.

Keywords: participants of criminal proceedings; access to justice; private prosecution; victim; private prosecutor; procedural status; lawful interests; uniting criminal cases.

Расширение диспозитивных начал уголовного судопроизводства является одним из ключевых направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства. Пожалуй, наиболее ярко диспозитивность проявляется в производстве по уголовным делам частного обвинения. Потерпевший (либо его законный представитель) по данной категории дел выступает в качестве частного обвинителя, и его правовой статус существенно отличается от процессуального положения потерпевшего по делам как публичного, так и частно-публичного обвинения. Для эффективной реализации гражданином своих законных интересов необходимы ясные, отточенные формулировки, касающиеся его процессуального статуса. Полностью разделяем позицию И.В. Смольковой: уголовно-процессуальный закон, регламентирующий сферу наиболее «острых» правоотношений с точки ограничения прав и законных интересов лиц, не должен быть неопределенным [1, с. 209]

Правовому статусу частного обвинителя посвящена ст. 43 УПК РФ. Действующая редакция данной нормы вызывает ряд замечаний. В первую очередь, отметим ее отсылочный характер – далеко не самое удачное решение с точки зрения юридической техники, существенно затрудняющее применение права. В соответствии с ч. 1 ст. 43 УПК РФ, частный обвинитель – это лицо, подавшее заявление в суд в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, и в дальнейшем самостоятельно поддерживающее обвинение.

В первую очередь, необходимо четкое разграничение таких понятий, как «потерпевший» и «частный обвинитель». Частным обвинителем может быть не только потерпевший, но и его законный представитель (ч. 1 ст. 318, ч. 1 ст. 147 УПК РФ), а также близкий родственник – в случае смерти потерпевшего (ч. 2 ст. 318 УПК РФ).

Кроме того, полагаем, что неверно смешивать совершенно разные по своей правовой природе интересы: собственный и представляемый. Частный обвинитель, его законный представитель и представитель – самостоятельные процессуальные фигуры, следовательно, их статус должны регламентировать самостоятельные нормы уголовно-процессуального закона, аналогично ст. ст. 42 и 45 УПК РФ.

Четкого определения момента, когда лицо приобретает вышеупомянутый статус, уголовно-процессуальный закон не содержит. Согласно ч. 1 ст. 43 УПК РФ, частный обвинитель – это лицо, подавшее заявление в суд *и* поддерживающее обвинение (*выделено нами – М.Д., Р.М.*) Соединительный союз «и» предполагает необходимость одновременного наличия обоих критериев. В действительности же, как справедливо отмечает И.В. Смолькова, права и обязанности у лица возникают именно с момента принятия заявления к производству мировым судьей, а не с момента начала судебного разбирательства (например, право на примирение, которое может быть реализовано и до начала рассмотрения дела в суде) [2, с. 22]. В соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ, лицо становится частным обвинителем с момента вынесения мировым судьей постановления о принятии дела к своему производству.

Изложенное приводит к выводу о необходимости сформулировать ч. 1 ст. 43 УПК РФ в новой редакции: «Частным обвинителем является лицо, подавшее заявление суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК РФ, в отношении которого судом вынесено постановление о принятии заявления к своему производству».

С.А. Яковлева указывает на дополнительные признаки пострадавшего от преступления лица, наличие которых дает ему возможность выступать в качестве частного обвинителя:

- 1) отсутствие зависимого состояния;
- 2) отсутствие беспомощного состояния;
- 3) отсутствие иных причин, которые не позволяют лицу самостоятельно защищать свои права и законные интересы [3, с. 46].

В качестве самостоятельного признака целесообразно рассматривать и осведомленность пострадавшего о лице, подлежащем привлечению к ответственности. В противном случае данное дело в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК РФ возбуждают руководитель следственного органа, следователь, а также дознаватель с согласия прокурора.

Процессуальный статус любого участника уголовного судопроизводства включает права и обязанности (полномочия), а также ответственность. Часть вторая ст. 43 УПК РФ вместо перечня прав и обязанностей рассматриваемого участника процесса отсылает к ч.ч. 4, 5 и 6 ст. 246 УПК РФ, что вызывает некоторое недоумение. Ст. 246 УПК РФ закрепляет лишь возможность участия в судебном разбирательстве нескольких прокуроров, а также замену прокурора и его право поддерживать гражданский иск. Если уж использовать в данном случае отсылочную норму, то логичнее выглядела бы отсылка к ст. ст. 318 и 321 УПК РФ, в которых действительно отражены права данного участника уголовного процесса.

Анализ положений УПК РФ позволяет выделить следующие специфические права частного обвинителя:

- 1) заявить ходатайство о содействии в собирании доказательств, которые не могут быть получены им самостоятельно;

2) излагать суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона, о назначении подсудимому наказания и по другим вопросам, возникающим в процессе судебного разбирательства;

3) изменить обвинение (если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту);

4) отказаться от обвинения;

5) подать заявление о примирении с подсудимым (такое примирение по делам частного обвинения возможно вплоть до удаления судьи в совещательную комнату для вынесения приговора).

Кроме того, частный обвинитель наделен большинством прав потерпевшего из перечня ст. 42 УПК РФ.

В случае ненадлежащего исполнения своих процессуальных обязанностей частный обвинитель может быть привлечен к уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), за дачу ложных показаний и отказ от дачи показаний (ст. ст. 307, 308 УК РФ).

Возможность осуществления потерпевшим своих процессуальных прав напрямую зависит от того, примет ли мировой судья его заявление. Одним из требований закона является необходимость указывать в заявлении «данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности». В первое время на практике это приводило к тому, что многие граждане, пострадавшие от преступлений, совершенных неизвестными лицами (например, легкий вред здоровью), оставались без правовой защиты. Органы уголовного преследования не были уполномочены расследовать такие дела, а мировой судья не принимал заявление к своему производству как не соответствующее требованиям ч. 5 ст. 318 УПК РФ. Лишь по прошествии почти пяти лет со дня вступления в силу действующего УПК РФ Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ в него, наконец, были внесены изменения. К причинам, по которым лицо не может защитить свои права и законные интересы, был отнесен случай совершения преступления лицом, данные о котором неизвестны (ч. 4 ст. 20 УПК РФ)¹. В таких случаях дело может быть возбуждено и без заявления потерпевшего.

Тем не менее, проблема не была решена полностью. Дело в том, что УПК РФ не содержит толкования понятия «данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности», вследствие чего мировые судьи понимают его по-разному. Как правило, к этим данным они относят не только фамилию, имя, отчество, дату и год рождения, но и место жительства (место регистрации), в ряде случаев – данные документа, удостоверяющего личность гражданина. Потерпевший далеко не всегда располагает настолько полными и подробными сведениями.

---

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 12 апр. 2007 г. № 47-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 16. Ст. 1827.

На наш взгляд, имеющихся у заявителя данных должно быть достаточно для идентификации лица, совершившего преступление (фамилия, имя, адрес места жительства или место работы). Очевидно, что те же паспортные данные добровольно им никто не предоставит. Отсутствие детальной информации о лице, совершившем преступление, – не повод относить такое дело к категории публичного обвинения и проводить по нему предварительное расследование на основании ч. 4 ст. 20 УПК РФ, увеличивая тем самым и без того немалую нагрузку на органы дознания. Кроме того, затягивание процесса нарушает разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), от чего уже страдают права и законные интересы потерпевшего.

Итак, необходимым условием рассмотрения дела в порядке частного обвинения является осведомленность заявителя о личности гражданина, привлекаемого к ответственности. Помощь в собирании полной и точной информации могут и, на наш взгляд, должны оказывать либо органы предварительного расследования в рамках проверки поступившего заявления, либо сам мировой судья – в зависимости от того, куда именно обратился заявитель.

Самостоятельным элементом в структуре процессуального статуса потерпевшего по уголовному делу частного обвинения (частного обвинителя) следует также признавать его законные интересы. Данный подход обусловлен формулировкой одного из направлений назначения уголовного судопроизводства. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и *законных интересов* лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Не останавливаясь в рамках настоящей статьи на многообразии позиций по вопросу понимания термина «законный интерес», следует отметить, что данная категория практически не рассматривается учеными-процессуалистами в качестве самостоятельного объекта защиты в уголовном судопроизводстве. Чаще всего на практике объектом защиты выступают права отдельных участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, в некоторых ситуациях по уголовным делам можно и нужно давать оценку именно законному интересу личности при принятии имеющих значение для дела процессуальных решений и совершении процессуальных действий.

Одной из таких ситуаций применительно к уголовным делам частного обвинения является вопрос о возможности соединения в одном производстве уголовных дел, отнесенных к различным порядкам уголовного преследования: частному и публичному либо частному и частно-публичному. Например, если одним лицом совершены преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ч. 1 ст. 167 УК РФ (Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества), которые образуют реальную или идеальную совокупность (в зависимости от обстоятельств совершения). Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев потерпевшие по данной категории уголовных дел, не различая виды уголовного преследования, будут обращаться с единым заявлением о преступлениях частного и публичного обвинения

в органы внутренних дел. Дежурный сотрудник во исполнение п. 2.1.1 Инструкции «О порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»² обязан принять и зарегистрировать такое заявление. Однако, если по заявлению о преступлении публичного характера должна быть проведена проверка сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ, то заявление о преступлении, относящимся к частному порядку уголовного преследования, должно быть передано в мировой суд без проведения такой проверки (п. 27.1 Инструкции).

Как представляется, данная норма Инструкции не соответствует п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, которая предусматривает передачу заявления по уголовным делам частного обвинения в мировой суд только по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (что следует понимать во взаимосвязи с пунктами 1 и 2 данной нормы в значении – по результатам проведения проверки сообщения о преступлении).

На практике в этой связи отсутствует единообразие по данному вопросу при проведении проверок сообщений о преступлениях органами внутренних дел. Как отмечает Ю.А. Анишина, в деятельности органов внутренних дел существуют следующие варианты решений в рассматриваемой ситуации:

1. Возбуждение уголовного дела с указанием в постановлении признаки сразу двух составов преступлений (частного и публичного), и осуществление расследование в общем порядке.

2. Отдельное возбуждение двух уголовных дел (одно частного, другое публичного обвинения), затем соединение в одно производство и осуществление расследование в общем порядке.

3. Возбуждение уголовного дела только публичного обвинения, выяснение в рамках его расследования обстоятельств дела частного обвинения и составление на этот эпизод (как на дополнительный) карточки статистической отчетности.

4. Производство расследования по делу публичного обвинения, прекращение уголовного преследования по преступлению частного обвинения, с рекомендацией потерпевшему самостоятельно обратиться к мировому судье по данному факту.

5. Возбуждение уголовного дела только публичного обвинения. В ходе его расследования выделение в отдельное производство материалов, содержащих признаки преступления частного обвинения, и направление данных материалов мировому судье [4, с. 50].

---

² Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : утв. Приказом МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 : (в ред. от 07 нояб. 2018 г.) // Российская газета. 2014. 14 нояб. (№ 260).

Удивительно, но почему-то практика не пошла по пути «наименьшего сопротивления» (по пути процессуальной экономии), когда в мировой суд направлялась бы органами внутренних дел заверенная копия единого заявления потерпевшего (без проведения самостоятельной проверки сообщения о преступлении частного характера) – для решения вопроса о принятии заявления к производству в части данного преступления. Как справедливо в этой связи отмечают Е.В. Смахтин и И.Г. Смирнова, одной из тенденций развития современного уголовно-процессуального законодательства является отсутствие оптимального сочетания защиты частных и публичных интересов и недостаточная урегулированность отдельных процессуальных процедур [5, с. 361].

Нам представляется ошибочным сформировавшийся на практике подход соединения органами предварительного расследования в одном производстве уголовных дел, подпадающих под разный порядок уголовного преследования (частный и публичный, частный и частно-публичный). Возможно, такой подход обусловлен законным интересом самого потерпевшего – как можно быстрее и проще добиться привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего в отношении него преступления, не принимая во внимание, что они относятся к различным порядкам уголовного преследования. Очевидно, что для большинства потерпевших в подобной ситуации участие в двух самостоятельных производствах по уголовному делу, производства по которым осуществляются различными государственными органами, в различном порядке, представляется как более сложная задача, чем участие в едином производстве по соединенным уголовным делам.

С другой стороны, интересу потерпевшего упростить свою роль в осуществлении уголовного преследования лица, совершившего преступления, противостоит публичный интерес государства, предполагающий четкое разграничение порядков уголовного преследования на частный, частно-публичный и публичный. В связи с чем возникает вопрос: если исходить из правовой природы классификации уголовного преследования, то дифференциация его видов должна упрощать или усложнять положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве?

С точки зрения чистой теории, частный порядок уголовного преследования обладает достаточно большой спецификой по сравнению с публичным и частно-публичными порядками, прежде всего, заключающейся в особом процессуальном статусе частного обвинителя как субъекта выдвижения и поддержания обвинения по данной категории уголовных дел. Право (и обязанность) самостоятельного собирания доказательств, право на отказ от уголовного преследования в любой момент судебного разбирательства (в том числе, посредством неявки в судебное заседание без уважительной причины – ч. 3 ст. 249 УПК РФ), возможность заявления подсудимым встречного заявления в отношении потерпевшего, возможность примирения сторон – вот процессуальные нормы, определяющие особенности процессуального статуса частного обвинителя по уголовным делам частного обвинения и, соответственно, специфику частного порядка уголовного

преследования. Соответственно, в случае соединения уголовных дел частного и публичного обвинения в одном производстве и осуществление по нему предварительного расследования в общем порядке потерпевший автоматически лишается указанных прав и возможностей, а также тем самым лишает будущего обвиняемого права заявить встречное обвинение [6, с. 24]. Поэтому соединение уголовных дел, относящихся к частному и публичному, частному и частно-публичному порядкам уголовного преследования, строго говоря, осуществляться не должно.

Необходимо отметить, что до 2016 года данной позиции (но с иной мотивировкой) придерживалась и судебная практика. Так, постановлением Борисоглебского городского суда Воронежской области от 19 сентября 2011 года по представлению государственного обвинителя в апелляционном порядке отменено постановление мирового судьи о соединении в одном производстве уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 130 УК РФ (на тот момент относившимся к уголовным делам частного обвинения). В обоснование своей позиции суд апелляционной инстанции отметил, что мировой судья «полномочиями по соединению уголовных дел публичного обвинения в одно производство на стадии судебного разбирательства – не наделен, в связи с чем, принимая решение о соединении уголовных дел публичного и частного обвинения и руководствуясь при этом положениями ч. 3 ст. 321 УПК РФ (о соединении в одно производство с уголовным делом частного обвинения встречного заявления), мировой судья нарушил Закон»³.

Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 327-ФЗ УПК РФ был дополнен ст. 239.2, предусматривающей право суда, при наличии оснований, предусмотренных кодексом и возникших после поступления уголовного дела в суд, по ходатайству стороны принять решение о соединении уголовных дел в одно производство. Решение об этом суд может принять в рамках предварительного слушания по уголовному делу (п. 8 ч. 2 ст. 229 УПК РФ). По нашему мнению, если преступления, подпадающие под частный и публичный (частно-публичный) порядок уголовного преследования, совершены в рамках одного события (реальная или идеальная совокупность преступлений), то уголовные дела по ним не могут подпадать под действие указанной нормы, так как основание для соединения уголовных дел по ним возникло до направления уголовного дела в суд. Вместе с тем, в судебной практике нельзя исключить ситуацию, когда на стадии подготовки, например, судьей районного суда уголовного дела публичного (частно-публичного) обвинения к судебному заседанию в мировой суд поступит заявление о преступлении частного характера, совершенного тем же обвиняемым.

---

³ Уголовное дело №10-24/11. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dMAvH19yhM5W> (дата обращения: 09.112019).

Вправе ли в этом случае суд по ходатайству стороны соединить в одном производстве уголовные дела, подпадающие под различный порядок уголовного преследования?

Ответ на данный вопрос зависит от пределов действия ст. 153 УПК РФ, закрепляющий основания соединения уголовных дел. В системе норм УПК РФ ст. 153 находится в Главе 21. Общие условия предварительного расследования, которая в свою очередь располагается в Разделе VIII. Предварительное расследование, входящем в Часть 2. Досудебное производство. Итак, проще говоря, основания для соединения уголовных дел в одном производстве предусмотрены только для досудебного производства. На некорректность ссылок на ст. 153 УПК РФ при соединении в одном производстве заявления потерпевшего и встречного заявления обвиняемого по уголовным делам частного обвинения обращают внимание Н.Н. Ковтун и А.А. Юнусов, которые отмечают, что «при состязательной форме процесса выполнение названных функций а priori несовместимо с ролью суда» [7, с. 17].

Данный подход закономерен, т.к. до внесения изменений и дополнений в УПК РФ вышеприведенным федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 327-ФЗ субъектами принятия решения о соединении уголовных дел были исключительно должностные лица досудебного производства по уголовному делу (в редакции УПК РФ до 03 июля 2016 г. суд не был субъектом соединения уголовных дел [8, с. 54]). Поэтому на данный момент приходится либо делать вывод о том, что у суда нет оснований для соединения уголовных дел в одном производстве, либо прибегать к аналогии закона (которой в идеале в уголовном судопроизводстве быть не должно).

Все вышесказанное позволяет сделать общий вывод о том, что основываясь на формальном подходе к рассматриваемой проблеме, без учета интересов потерпевшего по уголовным делам частного обвинения, их соединение в одном производстве (как в досудебном, так и в судебном) с уголовными делами публичного или частно-публичного обвинения является недопустимым.

Вместе с тем, в научной литературе, хотя и признается, что рассматриваемый вопрос является законодательным пробелом, встречаются мнения о возможности соединения таких уголовных дел в одном производстве.

Так, Ю.А. Анишина полагает обоснованным дополнить УПК РФ положением о том, что, «если преступление, отнесенное законом к категории частного обвинения, совершено в совокупности с иными преступлениями, то при наличии письменной просьбы пострадавшего о привлечении лица к уголовной ответственности, содеянное в целом должно расследоваться и рассматриваться как дело публичного обвинения» [4, с. 51]. Очевидно, что данное предложение заслуживает поддержки, предоставляя потерпевшему от совокупности преступлений реализовать свой законный интерес на самостоятельный выбор возможности осуществления уголовного преследования по уголовным делам о преступлениях частного и публичного (частно-публичного) обвинения в рамках единого производства (что упростит его роль и минимизирует активность в процессе) либо в

рамках двух самостоятельных производств (со всеми их особенностями и дополнительными возможностями для него). В научной литературе справедливо предлагается потерпевшему в подобной ситуации прибегать к помощи представителя (адвоката), который, к тому же, сможет точнее квалифицировать совершенные преступления, чтобы не допустить ошибку при отнесении одного из них к частному порядку уголовного преследования [9, с. 230].

Вместе с тем считаем необходимым дополнить предложенную Ю.А. Анишиной норму в УПК РФ дополнительной гарантией для потерпевшего, которая бы предусматривала обязанность должностного лица, принимающего и регистрирующего заявление о преступлениях, подпадающих под разный порядок уголовного преследования, перед принятием заявления разъяснять заявителю особенности возбуждения и производства по уголовным делам частного обвинения (конечно, при условии, что ему известны данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности), чтобы позволить ему сделать выбор алгоритма уголовного преследования, в наибольшей степени отвечающего его ожиданиям и желаниям. Это и образует его законный интерес.

Список использованной литературы

1. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И.В. Смолькова. – DOI 10.17150/2500-2759.2017.27(2).205-210 // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 205–210.

2. Смолькова И.В. Когда появляется потерпевший в делах частного обвинения в мировом суде? / И.В. Смолькова // Мировой судья. – 2018. – № 7. – С. 18–22.

3. Яковлева С.А. Разграничение уголовных дел частного и публичного обвинения / С.А. Яковлева // Уголовный процесс. – 2014. – № 7. – С. 38–49.

4. Анишина Ю.А. Особенности расследования уголовных дел при наличии совокупности преступлений // Уголовный процесс. – 2011. – № 12. – С. 48–51.

5. Смахтин Е.В. Обеспечение защиты прав потерпевшего уголовно-процессуальными и криминалистическими средствами при реализации назначения уголовного судопроизводства / Е.В. Смахтин, И.Г. Смирнова. – DOI 10.17150/1996-7756.2015.9(2).359-369 // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 359–369.

6. Корнакова С.В. Пределы судебного разбирательства по делам частного обвинения / С.В. Корнакова, Е.В. Чигрина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2014. – № 6. – URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=19820>.

7. Ковтун Н.Н. Институт соединения уголовных дел при производстве по делам частного обвинения у мирового судьи / Н.Н. Ковтун, А.А. Юнусов // Мировой судья. – 2005. – № 9. – С. 16–18.

8. Желтобрюхов С.П. Соединение уголовных дел судом / С.П. Желтобрюхов // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 53–56.

9. Корнакова С.В. К вопросу законодательного регулирования возбуждения уголовного дела по делам частного обвинения / С.В. Корнакова, Е.В. Чигрина // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 5-й ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск, 2017. – С. 226–231.

References

1. Smolkova I.V. Parties to the criminal procedure with undefined procedural status. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Baikal State University, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 205–210. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).205-210. (In Russian).

2. Smolkova I.V. When Does the Victim Appear in Private Prosecution Cases before a Justice of the Peace? *Mirovoi sud'ya* = Justice of the Peace, 2018, no. 7, pp. 18–22. (In Russian).

3. Yakovleva S.A. The Division of Criminal Cases of the Private and Public Prosecution. *Ugolovnyi protsess* = Criminal Procedure, 2014, no. 7, pp. 38–49. (In Russian).

4. Anishina Yu.A. Specific features of investigating criminal cases consisting in an aggregate of crimes. *Ugolovnyi protsess* = Criminal Procedure, 2011, no. 12, pp. 48–51. (In Russian).

5. Smakhtin E.V., Smirnova I.G. Protection of the rights of the victim as a purpose of criminal legal proceedings by criminal procedure and criminalistic means. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 359–369. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).359-369. (In Russian).

6. Kornakova S.V., Chigrina Ye.V. The Limits of Judicial Procedure in Cases of Private Prosecution. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)* = *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2014, no. 6. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=19820>. (In Russian).

7. Kovtun N.N., Yunusov A.A. The institute of uniting criminal cases in private prosecution proceedings of the Justice of the Peace. *Mirovoi sud'ya* = Justice of the Peace, 2005, no. 9, pp. 16–18. (In Russian).

8. Zheltobryukhov S.P. Combining of Criminal Cases by the Court. *Rossiiskaya yustitsiya* = Russian Justice, 2016, no. 11, pp. 53–56. (In Russian).

9. Kornakova S.V., Chigrina E.V. To the Question of Legislative Regulation of Initiation a Criminal Case of Private Prosecution Cases. In Aslanyan N.P., Vinichenko Yu.V. (eds). *Zashhita chastnykh prav: problemy teorii i praktiki. Materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Irkutsk, 21 maya 2016 g.* [Protection of Private Rights: Problems of Theory and Practice. Materials of the 5th International Science and Practice Conference. Irkutsk, May 21, 2016]. Irkutsk, 2017, pp. 226–231. (In Russian).

Информация об авторах

Дунаева Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Институт государства и права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: orange107@mail.ru.

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Институт государства и права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11; e-mail: marova@mail.ru.

Information about the authors

Dunaeva, Marina S. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Institute of State and Law, Baikal State University, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: orange107@mail.ru.

Maziuk, Roman V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Institute of State and Law, Baikal State University, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, Russia; e-mail: marova@mail.ru.